

ОТЗЫВ

д.ф.н. Николая Михайлова Нейчева,
профессора Пловдивского университета им. Паисия Хилендарского,
о диссертационном труде на соискание ученой степени **доктора наук**
в области высшего образования: 2. Гуманитарные науки
по профессиональному направлению: 2.1. Филология (Античная и западноевропейская
литература: сравнительное литературоведение),
на тему: „Пастораль и модерность“
Автор: доц. д-р Дияна Василева Николова-Багалева,
Пловдивский университет им. Паисия Хилендарского

1. О процедуре и диссертанте – обобщенно

Приказом № РД-22-910 от. 22.04.2025 г. Ректора Пловдивского университета им. Паисия Хилендарского (ПУ) я был назначен членом научного жюри для проведения процедуры защиты диссертационного труда на тему „Пастораль и модерность“ на соискание ученой степени доктора наук ПУ в области высшего образования 2. Гуманитарные науки, по профессиональному направлению 2.1. Филология (Античная и западноевропейская литература: сравнительное литературоведение). Автор диссертации – **доц. д-р Дияна Василева Николова-Багалева**, член Кафедры истории литературы и сравнительного литературоведения при Филологическом факультете ПУ им. Паисия Хилендарского.

Представленный **доц. Дияной Василевой Николовой-Багалевой** набор материалов на бумажном носителе соответствует чл. 45 (4) Правил развития академического состава ПУ и включает в себя следующие документы:

- заявление Ректору ПУ об открытии процедуры защиты диссертации;
- автобиографию в европейском формате;
- копию диплома кандидата наук;
- протоколы заседаний кафедры, связанные с открытием процедуры и с предварительным обсуждением диссертационного труда;
- диссертационный труд;
- автореферат;
- список научных публикаций по теме диссертации;
- копии научных публикаций;
- декларацию об оригинальности и достоверности прилагаемых документов;
- справку о соблюдении минимальных национальных требований.

Соискатель приложила 7 студий, 3 статьи, диссертационный труд объемом в 739 страниц и автореферат объемом в 64 страницы.

2. Актуальность тематики

Я убежденно считаю, что **тема** предлагаемого доц. Дияной Николовой исследования „ПАСТОРАЛЬ И МОДЕРНОСТЬ“ бесспорно диссертабельна и в достаточной степени обоснована и разработана в масштабном диссертационном труде. Поскольку в болгарской (и не только) филологической науке нет такого исследования, диссертация доц. Николовой является **фундаментальным** и дает свой **вклад** в науку.

3. Знание проблемы

Доц. Николова – наиболее авторитетный исследователь пасторальной тематики и буколической литературы в болгарском литературоведении. Независимо от факта, что автор давно занимается пасторальной проблематикой и опубликовала ряд детальных исследований на эту тему, ее новое исследование посвящено другим, не рассмотренным ранее культурным ареалам, в которых проявляется феномен пасторали.

4. Методика исследования.

В своей диссертации доц. Николова умело пользуется возможностями **историко-описательного метода**. Такой подход оправдан с точки зрения стремления автора пространно и пунктуально изложить многочисленные проявления буколического в культуре. Исследователь делится мнением, что необъятный источниковый материал, связанный с феноменом пасторализма, „очень разнороден и не поддается крупным обобщениям и обобщенным тезисам“. Потому что пасторализм – это не характеристика жанра или отдельных формальных и содержательных признаков произведения, а „устойчивая философская концепция, меняющаяся в отдельные культурно-исторические периоды“ (с. 5).

5. Характеристика, оценка и научный вклад диссертации

С самого начала я бы хотел подчеркнуть, что в предложенном доц. Дияной Николовой диссертационном труде обнаруживается ряд продуктивных идей и инновационных концепций. Например, „определение пасторали как *метажанра* или как *культурной метамодел* в смысле устойчивого способа художественного воспроизведения мира“ (с. 7) и как проявления „первой европейской модерности“ (с. 21). Уважения заслуживает и огромная работа, проделанная доц. Николовой при прослеживании проявлений *пасторального* в его длинном эволюционном пути от Эллинизма через Средние века, Проторенессанс, Ренессанс, Барокко, Романтизм и до пасторального в русском модернизме Серебряного века. Таким образом, анализ охватывает период более 2 300 лет (!), что само по себе уже впечатляет. Очевидно также

стремление автора всеобъемлюще (и я бы даже сказал, слишком педантично в отдельных случаях) представить **все** произведения, в котором действует буколический код, при том не только в литературе, но также в театре, музыке, опере, балете, изобразительном искусстве и парковой архитектуре.

Однако несмотря на объективные трудности типологизации многогранных проявлений пасторального, порожденные флюидностью феномена, автор сумела выйти из затруднения, выделив общие ключевые образные и идейные буколические коды, устойчиво повторяющиеся „ядра“ во всех культурно-исторических периодах, например: *систему персонажей*, концепт *сладости*, оппозицию *Борей vs. Зефир*, мифологемы *пчела* и *цикада*, топос *Аркадия* и *locus amoenus*, *locus terribilis* с трагической темой *vanitas*: „В Аркадии также есть смерть“ (*Et in Arcadia ego*), мотив *Эрос – Танатос* (*шут перед лицом смерти*) и др. Кроме того исследователь **успешно прослеживает трансформации и транспозиции** пасторального образно-содержательного дискурса, а также *контаминацию жанров* как результат мировоззренческих изменений, наступивших в ментальности в разные эпохи. Именно это предопределяет „жизнеспособность пасторали и ее адаптивность к разнородным идейным, эстетическим, философским, социально-политическим системам, то есть *ее вечную модерность*“ (с. 16). С этой точки зрения, **очень хорошо** разъясняется, каким образом, начиная с XVIII века, пасторальное читиво как своего рода „литературный континент“ словно погружается в забвение (наподобие литературной Атлантиды) и пребывает в нем вплоть до позднего Просвещения, и только в начале XIX века Руссо и романтики ранга Вордсворта и Нервала их постепенно *воскрешают*, разумеется, в виде *модифицированной* „пасторали нового типа“, демонстрирующей разлом между патриархальным и современным индустриальным миром (например, трагическая идилия *Майкл* Вордсворта) (см. с. 330). Аналогична ситуация с „заходом“ пасторали в конце XIX века, после чего она вдруг и *как будто неожиданно обновляется* в начале XX века, что происходит как в **сценических искусствах** („русский балет“) и **инструментальной музыке** (Стравинский, Дебюсси, Сати, Онеггер и др.), так и в **модерной живописи** (Ренуар, Сезанн, Гоген, Матис вместе со всей плеядой русских художников). Проведенный тщательный анализ, несомненно, очень важен для понимания сложного, изменчивого и фундаментального для культурны феномена пасторали.

Кроме того, в тексте диссертации можно обнаружить прекрасные **этюды**, посвященные разнообразным темам, прямым или косвенным образом связанным с пасторальной культурой, как то: Возникновение и формирование *идиллии* и превращение ее в любимый **жанр для эрудитов** у многих авторов начиная с эллинизма и до XX века

(с. 47). Или же посвященные пока невыявленным аналогиям между эллинистической „технопайгнией“ и последующей европейской культурой **фигурных нотаций** композиторов XIV столетия в форме сердца, круга, арфы, лабиринта и традицией **фигурных стихотворений** (*Carmina figurata*), которые осуществляют *синтез визуального и словесного* (с. 168–180). Или же в такой же степени условного и важного элемента буколических произведений, как **создание разных музыкальных инструментов** (авлос, сиринкс и др.).

По моему мнению, **особого внимания заслуживает** то, что в диссертации разработана тема пасторализма в русской культуре с 30-х гг. XVIII в. и до первых двух десятилетий XX в. (см. с. 340–463). Следует подчеркнуть, что это **первое на болгарском языке системное исследование пасторали в русской культуре**. Доц. Николова тщательно прослеживает этапы, через которые проходит рефлексия многовековой пасторальной культуры как в организации социальной жизни русского дворянства раннего XVIII века (через осмысление важного концепта „**Аркадия**“), так и во всей дальнейшей литературной жизни (системе жанров, образно-содержательных мотивах и т. д.). В конце столетия в России уже создана светская мода, связанная с пасторалью, и Россия уже формулирует свою культурную программу, связанную с созданием нового поэтического языка, стиля, метрики и образности, но с заметным редуцированием социально-политического элемента. Анализ дополнен литературно-критическими этюдами, посвященными наиболее ярким представителям эпохи (Василий Тредиаковский, Александр Сумароков и др.). В первые десятилетия XIX в. в русских буколических произведениях начинает отчетливо проявляться осмысление важного вопроса об отношении к современной цивилизации, а также вопроса о введении в идиллию русского контекста, обе е **„народности“** – таким образом, классический текст „притягивается“ к современной русской среде, быту и жизни (идиллии Аполлона Майкова и Николая Гнедича). Та же тенденция наблюдается и в русской живописи (школа Алексея Венецианова). Анализ в этой части сопровождается многочисленными и подробными примерами.

Особого интереса заслуживает, по-моему, глава, посвященная трансформациям пасторали у русских модернистов первой половины XX века (с. 463–599). Автор **убедительно доказывает** свой тезис, что пастораль – это **культурная доминанта** в модернистских экспериментах авторов Серебряного века и что благодаря ее специфике через нее реализуется идея *синтеза искусств* – наиболее важного концептуального кода модерности. Показано, например, каким образом деятели русского модерна вдохновляются античным танцем, сосредотачиваясь на „старых“ синкретических

жанровых формах, связанных с ритмом, танцем и микродеталью. Они создают новые концепции сценических искусств, создавая „пляску“ и „хоровод“ на базе оргиастического танца хороводов Диониса. Активно осмысляются и новые сценические возможности **маски** („личины“), меняется традиционный **балетный костюм** и вообще **ломается классическая геометрия балета**. Воплощением **синтеза всех искусств** для Сергея Дягилева, Леона Бакста, Михаила Фокина и Вацлава Нижинского является новый балет, который становится выражением идеи креативности, **достижения „нулевой точки традиции“** (с. 469) с целью создания чего-то совершенно нового (яркий пример синтеза является творчество М. Чюрлениса, „ясновидца невидимого мира“). В музыке оригинальное сочетание джаза и русского фольклора осуществляет Игорь Стравинский (*История солдата*, 1917). При помощи **модерной транскрипции пасторали** усиливается желание вызвать культурный шок (**театрализованное хулиганство**) и в то же самое время „привлекается“ к искусству массовая аудитория (с. 579). **Обилием примеров** в диссертации показано, каким образом авторы русского Серебряного века модифицируют буколические оппозиции **Борей – Зефир, Эрос – Танатос** или же миф о *мусическом даровании поэта*, который находит воплощение в образе **поющей цикады**. Подчеркивается также, что у таких авторов, как В. Кандинский, М. Шагал, К. Малевич пасторальные миры становятся энигматическими, многозначными, трудными для распознавания и декодирования (с. 465). Радикально меняется облик идеального *мира-в-мире*, и он превращается в новые „пейзажи души“, в элитарную игру, в мозаику из провокационно и алогично связанных буколических элементов. Причина в том, что в культуре Серебряного века находят отражение специфические процессы, протекающие в социальном и политическом состоянии России: революции 1905 и 1917, гражданскую войну (1918–1921) и последовавший тоталитарный режим (с. 467–468).

Доц. Николова констатирует, что у **авангардистов** наблюдается „исчезновение“ пасторали – не только в классическом виде, но и той пасторали, которая присутствовала у модернистов. Новые употребления пасторального являются следствием факторов, связанных с научной, художественной и социально-политической сферой, и они приводят к: 1) нежеланию смириться с существующим языком и традиционным синтаксисом; 2) расширению и обогащению словаря; 3) разрушению стихотворного канона и созданию новых поэтических размеров (с. 505). Все это – попытка *осмыслить драматическую современность*. Ярким примером служат „заумная“ поэзия Игоря Северянина и многоликое творчество Михаила Кузмина (ему автор уделяет значительное внимание в своем исследовании).

Особенно интересна подглава „Пасторальные зооморфные образы у модернистов и авторов раннего авангардизма“ (с. 617–706), в которой проиллюстрировано, каким образом европейские модернисты и авторы раннего авангарда пользуются буколическим зооморфным кодом. Обилием примеров и стремлением к всеобъемлющему представлению в диссертации **доказан тезис** о высокой частотности зооморфных изображений в живописи и литературе русского авангарда начала XX века. Традиционный философско-мифологический буколический код полностью переосмыслен через „грубое“, будничное, через прозу жизни, и несет на себе стойкий отпечаток иронии, гротескного (у Давида Бурлюка). Таковы, например, образ **космической коровы, кормящей мир своим молоком** (у Марка Шагала) или присутствие в русской живописи и поэзии редко обнаруживаемого (в классической и западноевропейской пасторали) эпатажного образа **свиньи – как контрапункта высокого поэтического искусства, творца**. Например, в поэзии Игоря Северянина лишённые чувства поэтического люди, которые отношения к искусству не имеют, сравниваются с визжащими поросятами. Но это „свинофильтство“ – не просто хулиганский скандальный жест, а травматический образ, следствие катастрофической эпохи эпидемий, голода, революций и войн, охвативших Россию в первую половину XX века (с. 676–677). В том же смысловом регистре нужно рассматривать и появление в произведениях русских авангардистов **жабы/лягушки** как символа бездуховной толпы. В этом контексте следует подчеркнуть осуществлённую доц. Николовой **оригинальную и убедительную интерпретацию** знаменитой картины Казимира Малевича *Корова и скрипка*. По мнению исследователя, **замена цикады коровой** в стратегии авангардиста – это „игровой „подрыв“ традиционного буколического кода“ и создание нового **гипертекста** (с. 673–674).

Я считаю, что эта часть исследования, несомненно, **познавательна и инновационна** по своему характеру и вносит свой **вклад** в литературную науку.

Не в последнюю очередь, заслуживают восхищения ясный и необремененный лишней терминологией научный язык и впечатляющая библиография (873 библиографических единиц), которую исследователь проштудировала и excerпировала.

6. Оценка публикаций и личного вклада диссертанта

Все опубликованные студии и статьи доц. Дияны Николовой включены в авторитетных научных изданиях. Они посвящены теме диссертации и в них нашли отражение основные ее компоненты. Как диссертация, так и связанные с ней публикации являются полностью авторскими текстами доц. Николовой.

7. Автореферат.

Автореферат подготовлен в точном соответствии с нормативными требованиями, полностью корреспондирует с содержанием диссертации и достоверно представляет результаты проведенного исследования.

8. Рекомендации для использования в будущем вклада и результатов диссертации

Я горячо рекомендую автору издать текст диссертации в виде монографии. По моему, такая книга может послужить ценным источником для подготовки спецкурсов в магистерских программах, а результаты исследования могут стать основой для будущих конференций или научных изданий.

Заключение

В заключение я хочу обобщить, что диссертационный труд доц. Дияны Николовой „ПАСТОРАЛЬ И МОДЕРНОСТЬ“ содержит научные результаты, которые являются оригинальным вкладом в науку, отвечает всем требованиям Закона о развитии академического состава Республики Болгарии, Правилам о его приложении и соответствующим Правилам ПУ им. Паисия Хилендарского. Представленные материалы и диссертационные результаты отвечают минимальным национальным требованиям, утвержденным в связи с Правилами ПУ о приложении ЗРАСРБ. Диссертация показывает, что доц. Дияна Николова обладает обширными теоретическими познаниями и профессиональными качествами и демонстрирует выдающееся умение проведения значимых научных исследований. Представленный научный труд обладает всеми отличительными характеристиками фундаментального исследования, что позволяет ему претендовать на статус докторской диссертации.

Как следствие всего сказанного выше убежденно предлагаю почитаемому научному жюри **присвоить** доц. Дияне Николовой научную степень **доктора наук** в области высшего образования: 2. *Гуманитарные науки*, по профессиональному направлению 2.1. Филология, научной специальности *Античная и западноевропейская литература: сравнительное литературоведение*.

Пловдив,

09. 07. 2025 г.

Автор отзыва:

проф. д.ф.н. Николай Нейчев